

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Адресъ редакціи: Владивостокъ, Приморской области, Духовная Консисторія.

№ 14.

Подписная плата 6 р. 50 к. въ годъ, съ пересылкой и доставкой.

15 Іюля ——— годъ изданія первый ——— 1903 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Высочайшее пожертвованіе.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна Всемилостивѣйше соизволила пожертвовать для пяти церквей Владивостокской епархіи въ селеніяхъ: Ильинкѣ, Голенки, Комаровкѣ, Хвалынкѣ и Фроловкѣ, построенныхъ при пособіи отъ фонда Имени Императора Александра III, полныя облаченія для священниковъ.

Извѣстія и распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Резолюціями Его Преосвященства: 1) Отъ 25 іюня № 1133 псаломщикъ Муравьевъ-Амурской желѣзнодорожной церкви Николай Пожарскій переведенъ къ градо-Владивостокскому Кааедральному Собору сверхъ штата.

2) Отъ того же числа № 1136, псаломщикъ Цокровской церкви Михаилъ Янченко переведенъ къ Муравьевъ-Амурской желѣзнодорожной церкви.

3) Отъ 27-го іюня № 1155 священникъ Раковской церкви **Петръ Богородицкій**, согласно настоятельной просьбѣ Анучинскихъ прихожанъ и съ собственнаго его согласія, переведенъ обратно къ Анучинскому храму.

4) Отъ того же числа № 1156 крестьянинъ **Теодосій Громовой** назначенъ и. д. псаломщика Успенской церкви, Южно-Уссурійскаго уѣзда.

5) Отъ 28-го іюня № 1165 церковный староста Ханкайской церкви **Михаиль Игнатенно** утвержденъ въ сей должности на четвертое трехлѣтіе съ 1903-1905 годъ.

6) Отъ 30-го іюня № 1193 псаломщикъ Вяземской желѣзнодорожной церкви **Аристархъ Сурмели** переведенъ на таковую же должность къ градо-Владивостокскому Каѳедральному Собору.

7) Отъ того же числа № 1194 діаконъ **Михаиль Ерохинъ** переведенъ на вакантное мѣсто штатнаго діакона при градо-Владивостокскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

8) Предложеніемъ Его Пресвященства отъ 4-го сего іюля № 1225 священникъ Ивановской церкви **Іоаннь Фалилѣвъ** перемѣщенъ на вакантное мѣсто къ Раковской церкви.

9) Резолюціею отъ 5-го числа № 1228 новоруположенный священникъ **Михаиль Шастинъ** опредѣленъ къ Ивановской церкви.

Архипастырская благодарность.

Объявляется Архипастырская благодарность съ преподаніемъ благословенія Божія и выдачею установленныхъ грамотъ:

1) Крестьянамъ Янчихенской волости **Пахому Кимъ, Николаю Канъ, Николаю Цой и Михаилу Цой**—за труды по устройству церкви-школы въ с. Зарѣчьѣ.

2) Крестьянамъ Филиппу Салтыкову и Сергѣю Олѣйникову за бдительную охрану Покровской кладбищенской церкви въ г. Владивостокѣ и распорядительность при поимкѣ злоумышленника, покушавшагося ограбить храмъ 23-го сего іюня.

3) Крестьянину **Теодосію Малику** за пожертвованіе вещами и деньгами до 300 р. въ церковь с. Дмитріевки, Южно-Уссурійскаго уѣзда.

Архіерейскія служенія.

29-го іюня. Его Преосвященство литургію совершилъ въ Кафедральномъ Соборѣ съ мѣстнымъ причтомъ; за литургіей рукоположенъ во священника діаконъ Михайлъ Шастинъ. По литургіи совершенъ молебень св. Ап. Петру и Павлу по случаю тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Павла Александровича и Петра Николаевича.

6-го іюля. Преосвященнѣйшій Архипастырѣ литургію совершилъ въ домово́й церкви на Съданкѣ въ служеніи—кромѣ мѣстнаго причта—Ключаря Собора, Протоіерея В. Чистякова, Игумена Аверкія, награжденнаго при семь палицей, іеромонаха Іоасафа и ново-рукоположеннаго священника М. Шастина.

ОТЧЕТЪ

Владивостокскаго Епархіального Наблюдателя о состояніи церковныхъ школъ Владивостокской епархіи за 1901—1902 учебный годъ по учебно-воспитательной части.

(Продолженіе).

Въ первую поѣздку по Посытекому участку мною было осмотрѣно 18 корейскихъ школъ. Большинство изъ этихъ школъ помѣщается въ особо приспособленныхъ корейскихъ фазахъ. Изъ школьныхъ помѣщеній фазового типа болѣе или менѣе удовлетворяющими скромнымъ требованіямъ школьной гігіены можно признать слѣдующія: помѣщенія школъ Бруссьевской, Кедровопадской, В. Япчихинской, Фаташинской, Тизпихинской, Барановской,

Нагоринской. Во всѣхъ этихъ школахъ приличныя, достаточно просторныя по числу учащихся, довольно свѣтлыя классныя комнаты. Часть изъ нихъ, правда, съ обычнымъ въ корейскихъ фанзахъ землянымъ поломъ и корейскимъ отопленіемъ (школы Брусевская, Нагоринская, Барановская), но все же въ этихъ школахъ классныя комнаты содержатся въ сравнительной чистотѣ и опрятности—полъ тщательно укрытъ циновками. Остальныя изъ указанныхъ школьныхъ помѣщеній по внутреннему устройству напоминаютъ русскій домъ,—классныя комнаты снабжены деревяннымъ поломъ и отапливаются русскою печью (голландскою). Таковы школы Фатаинская, Ново-деревинская, В.-Личинская, Рязановская, Кедровпадская. При всѣхъ школахъ фанзаваго типа, за исключеніемъ Кедровпадской, есть помѣщенія для учителей, состоящія изъ одной или двухъ небольшихъ комнатъ съ кухней, приспособленныя для учителей изъ корейцевъ съ корейской топкой и парами. Изъ школьныхъ помѣщеній наименѣе отвѣчающими своему назначенію слѣдуетъ признать помѣщеніе В.-Админской и Зарѣчинской школы. Первая помѣщалась въ весьма тѣсной, темной фанзѣ (5 × 3 арш.) съ единственнымъ отверстіемъ—дверью, оклеенною просвѣчивающей корейской бумагой, которая (дверь) служить вмѣстѣ и окномъ, дающимъ тусклый свѣтъ даже въ ясный солнечный день, когда я былъ въ школѣ. О какой либо пригодности такого помѣщенія для школы, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Тогда же былъ мною поднятъ вопросъ о постройкѣ болѣе приспособленнаго школьнаго помѣщенія. Благодаря отпуску средствъ изъ миссіонерскаго общества (200 р.), при довольно значительныхъ затратахъ изъ мѣстныхъ волостныхъ суммъ, — въ настоящее время отстроено обширное свѣтлое зданіе подъ школу фанзаваго типа съ квартирой для учителя. Такое же зданіе къ началу новаго учебнаго года будетъ отстроено и для Кедровпадской школы. Что касается Зарѣчинской женской школы, — открытой въ нынѣшнемъ учебномъ году, — то она также ютилась этотъ годъ въ совершенно непригодной, низкой, темной фанзѣ съ тремя маленькими окнами, дающими весьма слабый свѣтъ. Въ настоящее время, благодаря поступившему щедрому пожертвованію на постройку въ с. Зарѣчѣ церкви-школы, при единовременной затратѣ изъ волостныхъ и сельскихъ суммъ до 2000 руб., уже отстроено новое обширное помѣщеніе церкви-школы, вполне достаточное для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Въ виду этого сельскимъ обществомъ с. Зарѣчья возбуждено ходатайство о передачѣ въ духовное вѣдомство существующей тамъ министерской школы, помѣщавшейся также въ крайне неудобномъ тѣсномъ и холодномъ помѣщеніи фанзаваго типа.

Для Сухановской школы, прежде помещавшейся въ тѣсной фанзѣ, въ настоящемъ году, благодаря заботамъ о. миссіонера, на средства частью миссіонерскія, частью совѣтскія отстроена часовня-школа фанзоваго типа. Для школы зданіе это можетъ быть признано пригоднымъ. Классная комната довольно просторная (на $2 \times 2\frac{1}{2}$ саж.) свѣтлая и вполне достаточная по числу учащихся. Школьное помещеніе въ с. Тизинхэ по своимъ размѣрамъ не могло вмѣщать въ текущемъ году всего наличнаго числа учащихся. Поэтому мною было возбуждено ходатайство объ отдѣленіи младшей группы и о переводѣ ея въ приспособленную для занятій часовню. Занятія съ новичками было предложено вести одному изъ корейцевъ, окончившихъ церковно-приходскую школу съ вознагражденіемъ отъ Совѣта по 10 руб. въ мѣсяць. Въ настоящее время къ ноябрю наступающаго учебнаго года будетъ отстроено громадное каменное зданіе (на 9×6 саж.) подъ школу съ квартирами для учителя и для миссіонера, съ отдѣльной запасной комнатой для женской школы—на средства миссіонерскія (1000 р.), совѣтскія (свыше 1000 р.) и волостныя (свыше 1000 р.).

Наиболѣе удобными, вполне отвѣчающими своему назначенію, помещеніями съ приличными квартирами для учащихся обладаютъ школы: 1) Н.-Яичихинская женская (каменное зданіе съ запасной комнатой для дѣвочекъ), 2) Н.-Яичихинская школа грамоты (прекрасное каменное зданіе на 60 чел. учащихся съ фанзовой пристройкой для учителя), 3) Крабѣнская (также прекрасное каменное зданіе), 4) Сидиминская (деревянное зданіе съ просторной свѣтлой комнатой и еще другой запасной, которую вполне удобно обратить въ особое отдѣленіе для дѣвочекъ. При школѣ квартира учителя въ 3 комнаты съ кухней), 5) Рязановская школа грамоты (зданіе фанзоваго типа, вполне удобное для школы и съ приличной квартирой для учителя), 6, 7) Адиминская мужская двухклассная и одноклассная женская (общее деревянное помещеніе, вполне достаточное для обѣихъ школъ съ небольшой квартирой для учительницы). Въ текущемъ году для квартиры учителей предложено строить вблизи школы удобное, просторное отдѣльное зданіе на совѣтскія и волостныя средства.

Изъ представленнаго описанія школьныхъ помещеній видно, что корейскія общества отпускаютъ на благоустройство школъ довольно значительныя суммы. Весьма серьезную матеріальную поддержку оказываютъ корейцы также и содержанію школъ, отпуская на жалованье учителей церковно-приходскихъ до 300, а въ нѣкоторыхъ до 400 руб. каждому въ дополненіе къ казенному ассигно-

ванію изъ Епарх. Училищ. Совѣта. Въ Япчихинской волости, кромѣ того, въ пособіе на содержаніе школь грамоты отпускается отъ 40 руб. до 100 руб. на каждую.

Указывая на всѣ эти сравнительно весьма благопріятныя матеріальныя условія существованія корейскихъ школь Посьетскаго участка, — нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ довольно важныхъ и существенныхъ изъяновъ и недостатковъ, касающихся организаціи вообще школьнаго дѣла въ Посьетскомъ участкѣ и въ частности порядка завѣдыванія хозяйственною стороною школьной жизни.

Дѣло въ томъ, что изъ общаго числа корейскихъ школь Посьетскаго участка лишь въ 6-ти изъ нихъ учителями состоятъ русскіе люди. Въ остальныхъ 13 школахъ учителями состояли природные корейцы, окончившіе одноклассную начальную школу. Всѣ они правда съ большимъ усердіемъ занимаются технической стороною учительскаго труда, стараются обучать также и Закону Божию. У двухъ изъ нихъ проглядываетъ даже педагогическая сноровка и искренняя любовь къ дѣлу. Но всѣ они безъ исключенія не въ состояніи оказывать надлежащаго воспитательнаго воздѣйствія на своихъ учениковъ въ смыслѣ ихъ обрусенія и христіанскаго просвѣщенія. Это понятно. Постоянно вращаясь исключительно лишь среди корейскаго населенія, иногда и женатые лишь корейскимъ бракомъ (напримѣръ бывшій учитель Сухановской школы), они естественно проникаются симпатіей къ внутреннему корейскому укладу жизни. Тѣмъ болѣе, что большинство корейцевъ Посьетскаго участка хотя и крещены, но настолько поверхностно знакомы съ христіанствомъ, что и въ своихъ привычкахъ, въ своихъ обычаяхъ и обрядахъ и въ своемъ міросозерцаніи — болѣе язычники, чѣмъ христіане, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ о. о. миссіонеры. При полной изолированности корейскихъ селеній Посьетскаго края отъ русскихъ селеній здѣсь нѣтъ мѣста тому постоянному, какъ бы невольному воздѣйствію русскихъ, при которомъ легче и естественнѣе могла бы произойти желательная ассимиляція корейцевъ съ русскими людьми. Единственными непосредственными просвѣтителями корейскаго населенія, проводниками русскаго вліянія являются въ этомъ обособленномъ краѣ о. о. миссіонеры и тѣ немногіе русскіе учителя, которые случайно и по большей части на короткій срокъ поступаютъ въ корейскія школы. Если даже предположить въ о. о. миссіонерахъ самыхъ совершенныхъ и ревностныхъ труженниковъ, беззавѣтно отдающихъ себя дѣлу своего служенія, — то и въ этомъ случаѣ имъ пришлось бы имѣть дѣло съ весьма серьезными затрудненіями въ сво-

ей просвѣтительной школьной дѣятельности. Большая часть школ грамоты разбросана въ разныя стороны отъ миссіонерскихъ становъ на разстояніи отъ 15 до 40 верстъ и только три изъ нихъ расположены на разстояніи отъ 5 до 10 верстъ. Къ тому же при каждомъ миссіонерскомъ станѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ о. о. миссіонеровъ находятся по одной, а у двонхъ изъ нихъ даже по двѣ школы. Естественно, что занимаясь болѣе или менѣе систематически въ своихъ правильно организованныхъ школахъ, они не имѣютъ физической возможности удѣлять школамъ грамоты (отъ двухъ до пяти въ каждомъ станѣ) столько времени и вниманія, сколько было бы желательно для надлежащей постановки преподаванія въ нихъ Закона Божія. На практикѣ обыкновенно бываетъ такъ, что о. о. миссіонеры лишь попутно посѣщаютъ школы грамоты при исполненіи своихъ прямыхъ миссіонерскихъ обязанностей по преимуществу великимъ постомъ, когда они прѣзжаютъ на два, на три дня „посѣтить“ школьникова и населеніе. Конечно и при этихъ хотя бы и рѣдкихъ и краткихъ посѣщеніяхъ при добромъ желаніи со стороны о. миссіонера много можно сдѣлать въ смыслѣ улучшенія воспитательной стороны школьной жизни. При условіи болѣе частаго устройства школьных паломничествъ въ миссіонерскіе храмы, при болѣе близкихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ учителями изъ болѣе отдаленныхъ школъ о. о. миссіонеры дѣйствительно могутъ сдѣлаться центрами просвѣтительнаго вліянія и воспитательнаго воздѣйствія на подростяющее поколѣніе корейцевъ. Правда, такое дѣятельное отношеніе къ школьному вопросу сопряжено со многими хлопотами и потребуетъ со стороны о. о. миссіонеровъ напряженныхъ усилій, но и вообще въ трудъ миссіонерскій тяжелый трудъ и нельзя, взявшись за рало, оглядываться назадъ. Для облегченія нелегкаго труда о. о. миссіонеровъ, а также въ цѣляхъ возвышенія усиліевъ преподаванія Закона Божія въ корейскихъ школахъ грамоты желательно было-бы хотя со временемъ ввести для этихъ мелкихъ школъ институтъ переходящихъ русскихъ учителей (не болѣе двухъ на весь Посыетскій участокъ) и для занятія этихъ должностей искать настоящимъ образомъ подготовленныхъ людей. О. о. миссіонеры, не имѣя возможности сами часто посѣщать отдаленныя школы, могли бы съ удобствомъ пользоваться услугами этихъ своихъ помощниковъ по школьному дѣлу, посылая ихъ по своему усмотрѣнію въ ту или иную школу на тотъ или иной срокъ для занятій и особенно для преподаванія Закона Божія.

Въ организаціи корейскихъ школъ Посыетскаго участка есть еще и другого рода неудобства чисто практическаго характера,

правда не столь важная и существенная, которая все же желательно было бы устранить въ дѣлахъ наиболѣе совершенной постановки школьнаго дѣла. Одно изъ такихъ неудобствъ заключается въ томъ, что почти всѣ учителя школъ грамоты относятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности сельскихъ писарей. Правда, такое совмѣщеніе званія учителя съ должностью писаря вызывается настоятельной нуждой, какъ подспорье къ скудному учительскому содержанию. Но въ интересахъ болѣе правильнаго устройства школьнаго дѣла все же желательно стремиться къ раздѣленію этихъ должностей и это не потому только, что писарскія обязанности перѣдко отрываютъ учителя отъ школы въ занятное время и, такимъ образомъ, нарушаютъ правильный ходъ занятій. Съ этимъ неудобствомъ при усердіи и усидчивомъ трудѣ учителей корейцевъ еще можно было бы мириться до времени. Но что въ этомъ совмѣщеніи совершенно нежелательно, такъ это то, что прохожденіе писарской должности ставитъ учителя корейца въ непосредственную зависимость отъ корейскихъ волостныхъ старшинъ. Послѣдніе въ силу особаго внутренняго уклада жизни корейцевъ съ ихъ двойкой субординаціей одной—наружной по русскимъ законамъ и другой—гораздо болѣе сильной по своимъ корейскимъ традиціоннымъ обычаямъ,—фактически пользуются громадною властью надъ населеніемъ. Правда, и при отдѣленіи писарской должности отъ учительской вліяніе корейскихъ старшинъ на учителей корейцевъ не всегда желательное, а иногда прямо идущее въ разрѣзъ съ стремленіями церковно-школьной инспекціи остается въ прежней силѣ. Но все же при этомъ обособленіи учительской должности будетъ меньше поводовъ для непосредственнаго вмѣшательства ихъ въ школьную жизнь. Въ одной изъ школъ грамоты, гдѣ представилась возможность увеличить учительскій окладъ, должность писаря предположено въ отчетномъ году отдѣлить отъ должности учителя.

Въ управленіи хозяйственною частію по содержанию и матеріальному благоустройству корейскихъ школъ Посьетскаго участка также есть такія стороны, которая желательно было бы упорядочить въ видахъ наибольшей прочности ихъ существованія. Такъ, по установившемуся на практикѣ со времени передачи корейскихъ школъ въ Епархіальное вѣдомство порядку, всѣ средства, ассигнованныя Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ или миссіонерскимъ обществомъ на жалованье учителей и на нужды корейскихъ школъ препровождаются въ корейскія волостныя правленія и непосредственнымъ распорядителемъ этихъ средствъ, равно какъ и общественныхъ, предназначенныхъ на школьныя нужды, является во-

лостной старшина. Хозяйственной распорядительности последних нередко всецѣло предоставляется также ремонтъ школь и постройка новыхъ школьныхъ зданій.

При полной изолированности Посѣтскаго участка отъ русскихъ селеній и своеобразныхъ условій корейскаго быта, при полномъ безсиліи о.о. миссіонеровъ что-нибудь предпринять по матеріальному благоустройству школь безъ содѣйствія корейскихъ старшинъ, вышеуказанный порядокъ расходовавія школьныхъ суммъ можно признать почти неизбежнымъ, хотя едва ли желательнымъ. Впрочемъ, при такомъ порядкѣ есть и свои довольно существенныя удобства, заключающіяся въ томъ, напр., что учительское жалованіе выдается всегда аккуратно изъ запасныхъ волостныхъ суммъ въ томъ случаѣ, если Отдѣленіе Совѣта почему либо замедляетъ высылкой ассигнованныхъ на это суммъ. Нельзя однако же серьезно не пожалѣть о томъ, что при такомъ порядкѣ расходовавія школьныхъ суммъ о.о. миссіонеры остаются въ сторонѣ отъ заведыванія хозяйственною частію школь. Не говоря уже о томъ, что этотъ порядокъ приводитъ на практикѣ къ серьезнымъ затрудненіямъ при представленіи денежной отчетности по школамъ (такъ напр., денежный отчетъ Владивостокскаго Отдѣленія за 1901 г. до сихъ поръ не представляеть, за непредставленіемъ требуемыхъ оправдательныхъ документовъ со стороны волостныхъ правленій),— онъ является нежелательнымъ также и въ виду возможныхъ злоупотребленій и произвольныхъ дѣйствій со стороны волостныхъ корейскихъ старшинъ, часто не справляющихся даже съ мѣстнымъ о.о. миссіонеромъ—особенно при ремонтѣ и постройкѣ школьныхъ зданій. Измѣнить названный порядокъ, насколько это возможно при особыхъ исключительныхъ условіяхъ существованія корейскихъ школь, было бы весьма желательно. Попытка Владивостокскаго Отдѣленія урегулировать хозяйственную сторону корейскихъ школь выразилась въ отчетномъ году въ томъ, что деньги на школьныя нужды стали разсылаться чрезъ о.о. миссіонеровъ и послѣдніе, препровождая деньги въ волостныя Правленія, обязывались слѣдить за правильностью ихъ расходовавія, а также заботиться о своевременномъ представленіи оправдательныхъ документовъ. Трудно сказать, насколько окажутся удачными и достигающими цѣли всѣ означенныя попытки къ упорядоченію школьнаго дѣла въ Посѣтскомъ участкѣ.

Одной изъ главныхъ и общихъ причинъ, затрудняющихъ правильную постановку школьнаго дѣла въ названномъ участкѣ и задерживающихъ успѣхи всего вообще миссіонерскаго дѣла, нельзя

не видѣть въ полной изолированности Посыетскихъ корейскихъ деревень отъ близкаго общенія съ русскими селеніями, отъ которыхъ исподволь могли бы проникать къ нимъ русскій языкъ и русскіе обычаи. Недаромъ еще въ семидесятые годы покойный Н. Пржевальскій въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Путешествіе въ Уссурийскомъ краѣ» — писалъ (стр. 295), что «поселеніе перешедшихъ къ намъ корейцевъ въ такой близости отъ ихъ границы есть не малая ошибка со стороны русской администраціи. Какъ ни тяжка была жизнь на родинѣ, но все таки съ нею связаны для нихъ воспоминанія, самыя дорогія для всякаго человѣка. Слишкомъ крутъ былъ переходъ къ настоящему отъ прошедшаго для того, чтобы они могли его сразу позабыть и изъ корейцевъ сдѣлаться русскими. Нѣтъ, нужно много времени и много вліяній съ нашей стороны, чтобы обрусить ихъ хотя бы сколько нибудь. Для успѣшнаго достиженія подобной цѣли необходимо окружить ихъ такою обстановкою, которая несколько не напоминаетъ о прошломъ, но заставляла бы мало-по-малу и совсѣмъ его позабыть. Въ настоящее время для корейцевъ прѣтъ и тѣни ничего этого. Они живутъ отдѣльною своею общиною на разстояніи по крайпей мѣрѣ 200 верстъ отъ нашихъ крестьянъ. При томъ же близость границы даетъ имъ возможность знать и интересоваться тѣмъ, что дѣлается на родинѣ, даже самый видъ родныхъ горъ, снѣжныхъ вѣдн за берегами Туманги,—все это сильно напоминаетъ имъ о быломъ и устраняетъ возможность всякаго активнаго вліянія съ нашей стороны».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

15 Іюля

№ 14.

1903 года.

Часть неофициальная.

Поѣздка Преосвященнѣйшаго Евсевія, Епископа Владивостокскаго, въ Камчатку лѣтомъ 1899 года.

(Продолженіе).

Отъ Петропавловска до Тигиля.

Изъ Петропавловска мы поплыли вдоль береговъ Камчатки на югъ, чтобы обогнуть полуостровъ, потомъ повернуть на сѣверъ до Гижиги и оттуда опять на югъ вдоль береговъ Охотскаго моря и Татарскимъ проливомъ вернуться во Владивостокъ. Выйдя изъ Авачинской губы за мысъ Поворотный, мы поплыли по гладкой поверхности моря, которое было совершенно спокойно. Благодаря хорошей ясной погодѣ, капитанъ рѣшился обогнуть мысъ Лопатку первымъ проливомъ, что бываетъ не часто, такъ какъ этотъ проходъ очень узокъ и кромѣ того здѣсь бываютъ почти постоянные туманы. На другой день, 7 августа утромъ, когда нужно было обогнуть Лопатку, поднялась качка, но въ 10 часовъ утра стала стихать. Спустился туманъ, и берега скрылись изъ виду. Мы повернули на сѣверъ и цѣлый тотъ день не видѣли береговъ; на морѣ было волненіе и насъ покачивало. 8 августа утромъ погода прояснилась, показались берега, волненіе совершенно стихло. Мы плыли, какъ по рѣкѣ, и весь этотъ и слѣдующій день 9 августа наслаждались благопріятнымъ плаваніемъ. Около обѣда, т. е., около 6 часовъ вечера, мы стали на якорь въ Тигильской, совершенно открытой бухтѣ. Мы остановились въ 3 миляхъ отъ берега. Съ берега пріѣхали на шлюпкѣ три священника—Тигиль-

скій, Палланскій и Дранкицскій, собравшіеся сюда встрѣчать Владыку; въ другой шлюпкѣ пріѣхалъ мѣстный казачій атаманъ съ казаками для пріемки грузовъ. Черезъ нѣсколько времени мы пріѣхали на берегъ, на льдную рыболовную стоянку Тигильцевъ. Здѣсь на отлогомъ низменномъ берегу, покрытомъ травою и мелкимъ кустарникомъ, расположились нѣсколько камчатскихъ домиковъ, крыши которыхъ въ большинствѣ были покрыты слоемъ земли, изъ которой мѣстами проглядывала трава. Между домами, нѣсколько позади ихъ выдѣлялась маленькая срубчатая часовенка съ небольшимъ куполомъ и когда-то золоченымъ, но теперь потускнѣвшимъ крестомъ наверху. Въ этой часовенкѣ мы собрались и встрѣтили Владыку. Послѣ обычной встрѣчи Его Преосвященство отслужилъ молебенъ св. апостоламъ Петру и Павлу, которымъ посвящена часовня, а послѣ молебна собравшимся туземцамъ преподалъ краткія наставленія о вѣрѣ, молитвѣ и спасеніи, затѣмъ благословлялъ каждаго и раздавалъ крестики. Изъ часовни Его Преосвященство прошелъ въ домъ мѣстнаго Тигильскаго купца Косыгина, онъ же и церковный староста часовни. Здѣсь Его Преосвященству было предложено поѣхать или, вѣрнѣе, отправиться въ лодкѣ въ селеніе Тигиль, находящееся отъ устья рѣки того же имени верстахъ въ сорока. Такъ какъ для разгрузки товаровъ „Хабаровскъ“ долженъ былъ здѣсь пробыть не меньше двухъ дней, то Владыко, желавшій, если бы была возможность, поѣхать и въ камчатскія церкви, охотно принялъ предложеніе. Сборы были коротки—часовъ около 8 вечера, уже послѣ заката солнца, мы на двухъ лодкахъ поплыли вверхъ по рѣкѣ въ селеніе Тигиль. Впрочемъ плыли мы не противъ теченія, а по теченію. Дѣло въ томъ, что когда мы сѣли въ лодки, начался морской приливъ. А такъ какъ приливъ этотъ у того берега, гдѣ остановился пароходъ, достигаетъ 28 футовъ или 4 сажень, то рѣка во время прилива, вслѣдствіе притока морской воды, верстъ на 25 отъ устья принимаетъ обратное теченіе. Плыть нужно было всю ночь, а потому мы захватили съ собою, что было потеплѣе, такъ какъ ночи были довольно холодныя. Перекрестясь тронулись въ путь. Прошли бары, отмели и во-

шли въ русло рѣки. Полный мѣсяцъ поднялся надъ землею и освѣщаль намъ дорогу. Черезъ часъ послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, стало прохладно; чтобы размять члены, нѣкоторые изъ насъ начали помогать гребцамъ и брали у нихъ весла. Разогрѣвшись, передавали другимъ и опять сидѣли. Вскорѣ спустился густой туманъ и совершенно заслонилъ луну. Въ темнотѣ мы нѣсколько разъ садились на мель и только слышно было, какъ лодка царапалась о каменистое дно рѣки. Воздухъ наполнился сыростью и появились приступы насморка. Сильно захотѣлось спать, но никакъ нельзя было уснуть и приходилось бороться со сномъ. Чтобы прогнать дремоту и сколько-нибудь разогрѣться отъ холода, мы опять принимались грести и тѣмъ коротали время. Рѣка, при устьѣ довольно широкая и глубокая, теперь становилась все уже и мельче. Мѣстами она развѣтвлялась на нѣсколько протоковъ, отдѣленныхъ одна отъ другой узкими и длинными островками. Около часу ночи наши двѣ лодки причалили къ берегу. Гребцы сообщили намъ, что здѣсь нужно сойти на берегъ и въ лодкахъ больше не поѣдемъ, такъ какъ дѣйствіе прилива кончилось и дальше нужно было идти противъ теченія, которое здѣсь очень быстро; а такъ какъ рѣка дальше становилась къ тому же очень мелкою, то двигаться по ней можно было только на ботахъ или мелкихъ долбленныхъ челнокахъ, шириною въ полъ-аршина и длиною сажени полторы, причемъ вмѣсто веселъ употребляются обыкновенно шесты. Всего въ лодкахъ мы прошли верстъ 25. Когда лодки остановились, мы взшли на берегъ, довольно высокой и крутой, покрытый густой травою. Здѣсь уже дожидались прибытія Владыки посланные изъ Тигиля на ботахъ. Они разложили большой костеръ. При свѣтѣ огня обрисовались силуэты деревьевъ, растущихъ тутъ же по берегу. Это былъ довольно густой лѣсъ. Сухія вѣтки, щепы и полѣнья трещали, разгорались въ большое пламя, и продрогшіе, сонные, мы съ великимъ наслажденіемъ толпились вокругъ костра и обогрѣвали руки и ноги. Камчадалы разостлали на травѣ нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ, устроили Владыкѣ сидѣнье, и всѣ мы расположились отдыхать до разсвѣта. Сварили чай. У одного

казака, сопровождавшаго Владыку, въ сумкѣ были двѣ — три кружки, одно блюдо, нѣсколько кусковъ сахару, ломоть хлѣба и мѣстная сушеная, не соленая рыба «юкола», главный предметъ пропитанія камчадаловъ — людей и собакъ. Жители Камчатки хлѣбъ употребляютъ какъ лакомство помаленьку, въ дорогѣ питаются главнымъ образомъ юколой, которую пальцами ломаютъ на куски, ѣдятъ и запиваютъ кирпичнымъ чаемъ. Владыкѣ и намъ предложили эту скромную трапезу. Изъ чернаго отъ дыма и копоти котелка налили Владыкѣ кружку чаю, предложили хлѣбъ, сахаръ и юколу. Владыка отвѣдалъ юколы и напился чаю. Только природный камчадалъ или по крайней мѣрѣ тотъ, кто пожилъ въ Камчаткѣ довольно долгое время, можетъ питаться юколой и находить ее, пожалуй, вкусною. Мы не могли ѣсть ее, такъ какъ и на вкусъ и на запахъ она была очень непріятна. Напившись чаю, мы расположились вокругъ костра и дремали до разсвѣта, закутавшись въ шкуры. Камчадалы поддерживали огонь и грѣлись около него; долго еще они возились съ чайнымъ котелкомъ, варили чай и пили. Въ четвертомъ часу утра мы всѣ уже были на ногахъ и устраивались на узенькихъ и длинныхъ ботахъ, по-одному и по-двое на каждомъ боту. Садиться нужно было по самой серединѣ лодки, а на концахъ ея становились по два камчадала на каждый боть съ длинными шестами въ рукахъ, при помощи которыхъ они довольно скоро совершаютъ свои передвиженія по мелкимъ рѣчкамъ. Когда мы сядились въ боты, насъ предупредили, чтобы мы сидѣли смирно, не передвигались и даже, по возможности, совсемъ не измѣняли своего положенія, ибо въ противномъ случаѣ боть всегда могъ опрокинуться и тогда всѣ очутились бы въ водѣ, гдѣ хотя и не очень глубоко, но все же вслѣдствіе быстроты теченія не легко выбраться на берегъ. Во главѣ съ Владыкой, который сидѣлъ на отдѣльномъ боту, мы отправились въ дальнѣйшій путь изъ Тигилю вверхъ по быстрому теченію рѣки. Надъ рѣкой стоялъ утренній туманъ. Вдоль отлогихъ извилистыхъ береговъ, то песчаныхъ, то каменистыхъ, то усѣянныхъ кустарникомъ и нѣкоторыми мелкими породами лиственницы, — скользила наша оригинальная флотилія, растянувшаяся больше чѣмъ на

сто сажень, и тѣ изъ насъ, кто ѣхали сюда, съ большимъ интересомъ наблюдали за равномернымъ, какъ по командѣ, присѣданіемъ нашихъ проводниковъ, шагавшихъ по водѣ своими шестью все впередъ и впередъ. Скоро туманъ разсѣялся, утреннее солнце привѣтливо улыбнулось намъ и начало согрѣвать наши члены, порядочно такъ продрогшіе въ эту ночь въ сырость воздухъ на лодкахъ, потомъ на влажной травѣ и опять въ утреннемъ туманѣ и прохладѣ на этихъ ботахъ. Кое-у кого появился насморкъ. Плаваніе наше продолжалось съ небольшимъ три часа. Въ 7 ч. утра мы уже подѣзжали къ Тигилю. Это селеніе во времена усмиренія воинственныхъ и враждебныхъ коряковъ представляло военный центръ на сѣверо-западномъ побережьѣ Камчатки и носило громкое названіе Тигильской крѣпости, но съ покореніемъ коряковъ и умиротвореніемъ края Тигиль лишился своего военного значенія, и въ настоящее время представляетъ небольшое село, состоящее изъ 50-60 не болѣе домовъ, населенное русскими казаками, отставными солдатами, крестьянами, но только не выходцами изъ Россіи, а коренными жителями страны, потомками переселенцевъ; у нихъ уже и разговоръ, и складъ жизни совершенно на камчатскій ладъ; занимаются они рыболовствомъ и звѣроловствомъ, а также торговлей съ инородцами. Въ настоящее время Тигиль представляетъ коммерческій центръ на западномъ берегу Камчатки, и здѣсь есть торговыя фирмы. Жители Тигиля, заранее осведомленные о пріѣздѣ своего Архипастыря, ждали на берегу; когда они издали еще увидѣли нашу флотилію, то устроили Владыкѣ привѣтственный салютъ изъ ружей. Когда подѣзжали къ берегу, салютъ раздался вторично. На берегу была расчищена дорожка, усыпанная пескомъ, устланная коврами и по бокамъ ея стояли флаги. Выйдя изъ тѣсной неудобной лодочки и, не смотря на значительную усталость, взойдя на довольно высокій берегъ очень бодро и легко, Владыка благословилъ и принялъ хлѣбъ-соль отъ тигильцевъ, собравшихся сюда въ количествѣ около двухсотъ человекъ, составлявшихъ почти все населеніе, — мужчины и женщины, одѣтые въ пестрые праздничныя платья, дѣти и грудные младенцы на рукахъ. Здѣсь при звонѣ колоколовъ Владыка благосло-

влялъ народъ, а мы тѣмъ временемъ поспѣшили въ церковь встрѣчать Владыку. Храмъ, во имя Рождества Христова—деревянный, довольно красивой архитектуры, пятиглавый, скрывавшійся за высокими деревьями (кругомъ тутъ лѣсъ),—находился отъ берега на разстояніи не болѣе 50 саженой. Вскорѣ Преосвященнѣйшій Евсевій пришелъ въ храмъ и за нимъ его паства, Здѣсь была обычная встрѣча, потомъ молебень Рождеству Христову, въ концѣ котораго Владыка по обыкновенію преподаль собравшимся краткія наставленія въ вѣрѣ и христіанской жизни, затѣмъ благословлялъ народъ и раздавалъ крестики. Владыка подробно осмотрѣлъ храмъ, ризницу, архивъ, бібліотеку и, кончивъ осмотръ, направился въ мѣстную школу. Здѣсь Владыка спрашивалъ у учениковъ молитвы, испытывалъ ихъ въ чтеніи по-славянски, давалъ вопросы по Закону Божию и получалъ отвѣты удовлетворительные. Предъ отходомъ изъ школы Преосвященный раздавалъ ученикамъ на память крестики. Учитель въ этой школѣ—человѣкъ съ маленькимъ, домашнимъ образованіемъ, но весьма усердный и исправный и дѣло велъ достаточно успѣшно. Изъ школы Архипастыръ прослѣдовалъ въ домъ священника о. Марка Попова, гдѣ обревизовалъ документы и церковное письмоводство. Потомъ Владыка принялъ предложенную трапезу и подкрѣпилъ свои силы. Недостатокъ сна и пищи, неудобство переѣзда на лодкѣ и на боту—все это до нѣкоторой степени изнурило Владыку, но по его бодрому виду нельзя было узнать, что онъ усталъ. Въ Тигиль медлить не было возможности, такъ какъ въ тотъ же день нужно было вернуться на пароходъ, ибо онъ на другое утро долженъ сняться съ якоря и уйти въ море. Нужно было спѣшить еще и потому, чтобы воспользоваться морскимъ отливомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, спускаясь внизъ по рѣкѣ, все же вслѣдствіе прилива пришлось бы послѣднія версты 20—25 плыть противъ теченія. Поэтому, кончивъ наскоро всѣ дѣла, Владыка въ 11 ч. утра поспѣшилъ на берегъ. Плыть обратно было гораздо легче и скорѣе. Теперь можно было плыть по серединѣ рѣки на веслахъ, внизъ по теченію. Для этого мы связали по два бота вмѣстѣ, прикрѣпили перекладины такъ, что наши боты представляли нѣчто въ

родѣ маленькихъ паромовъ. Свита поплыла впередъ, а Преосвященный, еще благословлявшій на берегу народъ, поѣхалъ свади. День былъ ясный, солнце припекало. Дорогой нѣкоторые изъ насъ купались въ чистой водѣ Тигиля, съ лодки прыгая въ воду.

Черезъ часъ времени пріѣхали на мѣсто остановки минувшей ночью. Тутъ, въ ожиданіи Владыки, мы отдыхали на мягкой травѣ подъ тѣнью густыхъ деревьевъ. Вскорѣ подѣхалъ на ботахъ Владыка. Мы пересѣли въ лодку и отправились къ устью Тигиля, на пароходъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рѣка становилась шире и глубже. Началось дѣйствіе прилива и гребти стало тяжело. Изъ воды выглядывали нерпачьи головы, на подобіе собачьихъ; онѣ показывались въ большомъ количествѣ, нерѣдко около самой лодки. Чтобы лучше разглядѣть голову нерпы, мы неслышно подплывали къ ней, но, увидѣвши лодку, животное моментально ныряло въ воду и выплывало въ другомъ мѣстѣ. При самомъ устьѣ наши гребцы утомились. На устьѣ, недалеко отъ насъ, стоялъ нашъ паровой катеръ. Увидя плывущихъ издали, онъ пошелъ намъ навстрѣчу и потащилъ до пристани на буксирѣ. Когда мы подѣзжали къ устью, солнце было уже низко, день клонился къ вечеру. Было 5 часовъ. Пріѣхавъ на устье, Его Преосвященство прошелъ въ домъ купца Косыгина и здѣсь въ ожиданіи отхода катера на пароходъ выкушалъ стаканъ чаю. Въ 6 часовъ вечера мы съ Владыкой сѣли на катеръ и поѣхали на пароходъ. Поужинавъ послѣ этой поѣздки съ великимъ аппетитомъ, мы разошлись по каютамъ и вскорѣ погрузились въ богатырскій сонъ.

((Продолженіе слѣдуетъ)).

Свящ. В. Давыдовъ.

Весѣда Редактора съ читателями.

Выраженная въ № 3 Епарх. Вѣд. надежда на отзывчивость нашихъ пастырей не оказалась напрасной. Вотъ вновь представляется случай подѣлиться съ читателями радостью по поводу того, что нашъ молодой епархіальный органъ читается и не безрезультатно. Помѣщаемыя въ немъ скромныя статьи будятъ мысль, вызываютъ

на работу, возбуждают желаніе обмѣняться мнѣніями... Одинъ изъ читателей—миссіонеръ, близко стоящій къ школьному дѣлу и живо интересующійся имъ, прислалъ намъ замѣтку, именно, съ цѣлью вызвать обмѣнъ мнѣній по затронутымъ имъ вопросамъ по поводу помѣщенной въ № 12 статьи «Мерцаніе звѣздочекъ—школь». Привѣтствуя благое памѣреніе автора замѣтки и не помѣщая ее цѣлкомъ по причинамъ чисто литературнаго свойства, приведу изъ нея всѣ существенныя мысли съ нѣкоторыми своими замѣчаніями по поводу ихъ.

Прежде всего автору замѣтки, повидимому, кажется нѣсколько неудачнымъ сравненіе лучшихъ и, такъ сказать, праздничныхъ проявленій школьной жизни съ «мерцаніемъ» звѣздъ. У автора съ этимъ словомъ соединяется нѣсколько иное представленіе, когда онъ пишетъ: «Чуденъ небесный сводъ въ ясную погоду, когда мнѣряды звѣздныхъ очей устремлены съ неба на землю; одни изъ нихъ смотрятъ ясно, другія мигаютъ (мерцаютъ)». То-же замѣчаетъ авторъ и въ людяхъ: «одни изъ нихъ смотрятъ на васъ прямо, ясно, открыто, другіе-же смотрятъ въ сторону или мигаютъ». Причину послѣдняго онъ видитъ въ отсутствіи ясности души и дѣлаетъ выводъ, что и на душѣ школы, какъ организма, разъ она только мерцаетъ—мигаетъ, можно думать, не совѣмъ ясно. Весьма возможно, что выраженіе «мерцаніе звѣздочекъ—школь» въ указанномъ смыслѣ не вполне удачно, но возможно и то, что какъ въ звѣздочномъ мірѣ есть невѣдомыя намъ причины того, что не всѣ звѣзды свѣтятъ съ одинаковой силой и ясностью (конечно, только въ нашемъ представленіи, по отношеніи къ опредѣленному пункту—землѣ), такъ и въ школьномъ мірѣ есть причины, почему наши школы больше «мерцаютъ», а не свѣтятъ постоянно съ одинаковой силой и ясностью и почему приближеніе къ истинному вѣчно не мерцающему Свѣту можно принимать только какъ *ria desideria* народной школы. И не кроется-ли причины этого и степень достиженія такого идеала въ самихъ школьныхъ дѣятеляхъ?.. Но не нужно забывать и того, что скромность въ оцѣнкѣ своей дѣятельности свойственна, именно, тѣмъ, кто наиболѣе приближается къ этому идеалу. Отсюда вполне понятно и извинительно сравненіе лучшихъ моментовъ ц.-школьной жизни *только* съ «мерцаніемъ» звѣздъ.

Далѣе авторъ письма съ удовольствіемъ привѣтствуетъ новую нарождающуюся отрасль школьной дисциплины въ видѣ «общества трезвенниковъ—дѣтей». «Прежде чѣмъ уяснить себѣ эту дисциплину, я бы хотѣлъ, пишетъ авторъ, узнать нѣкоторыя

данныя относительно первоначальнаго построения ея, о чемъ, къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ почтенный пинциаторъ этого дѣла свящ. Ваулинъ, давая готовый фактъ». «Крайне интересно, продолжаетъ далѣе авторъ письма, знать основныя начала общества малолѣтнихъ трезвенниковъ... Безусловно, мысль хороша, но не встрѣтитъ-ли она на практикѣ серьезныхъ затрудненій!? Не могутъ-ли возникнуть на этой почвѣ ненормальныя отношенія между отцами и дѣтьми, не породятъ-ли неискренности и лукавства въ отношеніяхъ между ними?... Кромѣ того, какъ ни уваживай за молодыми побѣгами, а если корни гнилы, то и труды, пожалуй, будутъ безплодны. Другое дѣло, если взяться сначала за оздоровленіе корней». Авторъ находитъ, что едва ли педагогично, и согласно съ задачами школы—воспитывать уваженіе къ старшимъ, «говоря о пьянствѣ въ школѣ, указывать на причину, по которой не воздержался ребенокъ, т. е. на отца, мать, брата; этимъ можно больно задѣть дѣтское самолюбіе въ отношеніи къ приснымъ, рискуешь потерять уваженіе, подорвать родительскій авторитетъ, утратить всякое вліяніе на ребенка. Не есть-ли общества трезвенниковъ школьничковъ нѣчто обоюдоострое и не пужно-ли соблюдать здѣсь какихъ-либо особыхъ предосторожностей? Другое дѣло, если отецъ самъ трезвенникъ,—тогда въ домѣ отсутствуетъ первопричина зла, ибо отецъ-же является самымъ близкимъ и авторитетнымъ примѣромъ трезвости». Возраженія поставлены серьезныя, хотя, *можетъ быть*, покоятся онѣ на слишкомъ идеальныхъ семейныхъ отношеніяхъ и во всякомъ случаѣ рѣдкихъ въ семьяхъ, гдѣ глава—весьма не безгрѣшенъ въ порокѣ пьянства и гдѣ его родительскій авторитетъ едва ли уже не поздно подрывать, избѣгая укоризни въ этомъ предъ его дѣтьми. Да и развѣ-же безъ укоризни нельзя обойтись? Все зависитъ отъ педагогическаго такта...

Поставивъ такое возраженіе, авторъ письма тѣмъ не менѣе далеко отъ мысли отрицать пользу школьной трезвенной дисциплины. Далѣе онъ ставитъ болѣе принципиальныя возраженія по поводу учрежденія общества трезвости вообще, возраженіе, весьма настоятельно проповѣдуемое нашей свѣтской печатью. Суть его сводится къ тому, что прежде, чѣмъ отучивать мужика отъ вина, надо накормить его. По мнѣнію автора, «люди зажиточные обыкновенно трезвы, по гдѣ бѣдность—тамъ и пьянство; значитъ, первая причина зла—бѣдность, на устраненіе которой и должно быть обращено главное вниманіе путемъ поднятія благосостоянія крестьянина чрезъ улучшеніе производительности различныхъ отраслей его хозяйства хлѣбопашества, садоводства, огородничества, пчеловодства. Конечно,

дѣло трудное, но не невозможное и, такъ какъ народное пьянство— зло общегосударственное, то и правительство придетъ на помощь и матеріальной и нравственной поддержкой, благо явится въ этомъ дѣлѣ добрый почиѣ». Все это, конечно, вѣрно; что мужикъ нашъ голодеѣ и что пьетъ онъ съ голода, горя и не видя просвѣта своему тяжелому безвыходному экономическому положенію,—также несомнѣнно. Вѣрны и средства, указываемыя авторомъ, къ возможному устраненію этого зла. Но все это не полно и не исключаетъ необходимости прямой положительной борьбы съ пьянствомъ, тѣмъ болѣе, что общества трезвости, проповѣдуя послѣднюю, ставятъ своею цѣлью всегда дать народу взамиѣн вина что-либо другое, научить его уму-разуму, указать ему болѣе свѣтлыя перспективы, а если у общества есть средства, то дать ему и матеріальную поддержку. И вѣдь пьютъ не всегда только съ голода; пьютъ и сытые, пьютъ потому, что пьянство, какъ всякій порокъ, имѣетъ свою привлекательность. А если взять сытый интеллигентный классъ, то еще вопросъ, кто болѣе пьетъ и пропиваетъ: сытый интеллигентъ или голодный мужикъ. Сытый крестьянинъ, правда, меньше пьетъ, чѣмъ голодный, но это потому, что пьянство и сытость для мужика вещи несомнѣстимыя. Слѣдовательно, и основной вопросъ о пьянствѣ нужно поставить иначе—въ видѣ такой альтернативы: чтобы мужикъ не пилъ, надо его сдѣлать сытымъ, и съ другой стороны—чтобы онъ былъ сытъ, ему надо не пить. Вотъ въ этой то послѣдней сторонѣ приведенной альтернативы и находятъ свое оправданіе дѣятельность народныхъ обществъ трезвости.

Говоря о необходимости поднять народное хозяйство, въ чемъ не малую роль можетъ сыграть та-же начальная школа, обязанная воспитывать въ народѣ любовь къ труду и именно къ труду пахаря, авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчашій по поводу школьныхъ праздниковъ древонасажденій. Въ этомъ онъ также видитъ одинъ изъ способовъ перевоспитанія въ народѣ его инстинктивной привязанности къ кормилицѣ-землѣ въ сознательную любовь къ ней, полагая не безъ основаній, хотя нѣсколько односторонне, что «дворники, писцы, половые и прочіе оторвавшіеся отъ земли—суть продуктъ, возникшій на почвѣ недостаточно серьезнаго отношенія руководителей народной школы къ труду пахаря». Но его смущаетъ какъ названіе «праздникъ» древонасажденія, такъ равно и праздничная обстановка самаго древонасажденія, въ которомъ онъ хотѣлъ-бы видѣть иной глубокий положительный смыслъ. «Праздники эти, говоритъ авторъ, новость въ нашемъ краѣ, дѣло безусловно полезное, если принять

во вниманіе почти полное отсутствіе въ край садоводства и лѣсо-
истребленіе; но почему оно названо праздникомъ? Много серьез-
наго и поучительнаго въ этомъ дѣлѣ, поэтому и отношеніе къ нему
должно быть самое серьезное, воспитывающее, какъ и вообще къ
дѣятельности всей школы, приучающей уважать трудъ, а не праз-
дность. Трудъ и самъ по себѣ при разумномъ веденіи его не мо-
жетъ не зародить любопытства въ ребенкѣ и не поселить въ юной
душѣ истинный праздникъ вѣдѣнія, благодаря которому уже не
будетъ мѣста удивленію предъ отгадываніемъ «батьюшкиныхъ ду-
мокъ». Но мнѣнію автора приученіе къ серьезному труду и воспи-
таніе любви къ природѣ въ дѣтяхъ путемъ праздниковъ примѣнимо
тамъ, гдѣ праздна общая атмосфера, въ которой живутъ дѣти и
гдѣ они далеки отъ природы. Тамъ позволительна, педагогична такая
постепенность. Въ крестьянской же средѣ среди постоянного труда
среди природы, едва-ли нужна эта постепенность. Не кажется ли
такой взглядъ автора нѣсколько крайнимъ, ригористическимъ и едва-
ли отвѣчающимъ требованіямъ здравой педагогики и запросамъ
дѣтской души даже и въ примѣненіи къ сельской школѣ? Вѣдъ
никакой трудъ немислимъ безъ отдыха и ребенку нуженъ хорошій
здоровый праздникъ. А сліяніе дѣтей съ матерью—природой на ея
ласковомъ лонѣ развѣ не можетъ быть истиннымъ праздникомъ и
развѣ худо занечатѣть это навсегда въ душѣ ребенка радостнымъ
постояннымъ воспоминаніемъ изъ ранняго дѣтства?... Впрочемъ, это
весьма серьезное возраженіе автора письма, гдѣ онъ говоритъ о
полной несовмѣстности одновременно труда и праздника, о томъ,
что трудъ, какъ-бы его не идеализировали, всегда остается и дол-
женъ оставаться все-же трудомъ, что желаніе поставить трудъ въ
праздничную, живительную, райскую атмосферу не имѣетъ для се-
бя серьезныхъ оснований, ибо мечта о такомъ трудѣ чистая утопія,
что праздники труда древонасажденія идутъ въ разрѣзъ съ задачей
начальной школы—воспитать въ ребенкѣ серьезное отношеніе къ
труду, какъ таковому, а не утопію труда,—это возраженіе особен-
но предлагается обсужденію нашихъ читателей.

Кстати, въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что въ
самомъ фактѣ появленія приведеннаго письма нужно видѣть отра-
женіе общаго весьма симпатичнаго теченія, замѣчаемаго въ жизни
современнаго духовенства, свидѣтельствующаго о пробужденіи этой
жизни. Вотъ что—между прочимъ, по этому поводу читаемъ мы въ
«Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1903 г. № 14). «Пора
и намъ, сельскимъ іереямъ, взяться за перо, воспрянуть, высту-
пить съ словомъ самозащиты. Вѣдъ въ самомъ дѣлѣ, неужели пастъ,

нашу дѣятельность должны въ печати защищать люди свѣтскіе, мало знакомые съ нами, съ нашимъ образованіемъ, съ современной сельской жизнью, съ правами и обычаями простого сельскаго люда?... Намъ, простымъ рыбалямъ, нужно самимъ сплотиться да начать дружную работу. Кому изъ насъ не приходилось, за весьма рѣдкими исключеніями, констатировать на страницахъ Епархіальнаго органа лишь сухое какое-либо сообщеніе о постройкѣ сельскаго храма, краткій некрологъ собрата и т. п. Развѣ подобныя сообщенія даютъ какую-либо пищу уму, развиваютъ его?... Намъ желательно читать и прочитанное складывать въ умъ и сердце; намъ желательно слѣдить за жизнью и дѣятельностью своего собрата и школьнаго товарища, за его самообразованіемъ; намъ пріятно давать и получать простыя, но сердечныя опытыныя наставленія и руководствованія; намъ настоятъ наконецъ нужда защитить предъ интеллигенціей себя и свою общую мать-церковь, которую такъ часто и такъ жестоко обвиняютъ въ томъ, въ чемъ она неповинна»... И редакція нашего журнала вполне присоединяется къ этому призыву съ надеждой, что онъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь и среди нашего духовенства, хотя и находящагося въ нпыхъ условіяхъ, чѣмъ духовенство другихъ епархій, съ болѣе развитой церковно-религіозною жизнью.

СОДЕРЖАНІЕ № 14-го.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ: 1. Высочайшее пожертвованіе. 2. Извѣстія и распоряженія Епархіальнаго Начальства. 3. Архипастырская благодарность. 4. Архіерейскія служенія. 5. Отчетъ Владивостокскаго Епархіальнаго Наблюдателя за 1901—1902 учебный годъ (продолженіе).

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ: 1. Поѣздка Преосвященнѣйшаго Евсевія въ Камчатку въ томъ 1899 года (продолженіе). 2. Беседа редактора съ читателями.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Первая обитель на Дальнемъ Востоку (продолженіе стр. 31—50).

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Разумовскій.*

Печатать разрѣшается 1903 г. июля 9-го дня.

Цензоръ, *Каведраальный Протоіерей А. Мурашевъ.*

Владивостокъ. Типо-литографія газеты „Дальній Востокъ“

на то, что за первые годы устроения Обители вблизи строились двѣ желѣзныя дороги: Уссурійская и Восточно-Китайская, гдѣ всякій, а особенно мастеровой, могъ найти себѣ хорошій заработокъ,—это служить доказательствомъ того, что въ Монастырь шли не ради какой либо вещественной выгоды или, какъ говорятъ, не ради куска хлѣба; нѣтъ, сюда спѣшили ради подвиговъ и спасенія своей души.

Въ число братіи много вступило изъ уволившихся въ запасъ арміи и флота,—изъ нихъ большинство были люди достаточно грамотные, мастеровые и вообще болѣе опытные въ жизни. Благодаря имъ, въ Монастырѣ завелись различныя мастерскія, въ коихъ обучалась и прочая братія.

Благоустройство Обители такимъ образомъ улучшалось и чрезъ 6 лѣтъ достигло того благосостоянія, въ которомъ мы и застаемъ ее въ настоящее время, (Іюнь мѣсяць 1903 г.)

Сколько же нужно было самоотверженнаго труда и духовныхъ силъ, вѣры и упованія на Бога, любви и преданности къ дѣлу, чтобы изъ ничего создать то, что мы теперь видимъ?! Только духъ монашества, порицаемаго въ послѣднее время многими, могъ достигнуть такихъ результатовъ. Что, какъ не стремленіе къ истинному идеалу иночества, заставило соединиться въ одну дружную сплоченную братскую любовію семью, состоящую изъ лицъ разныхъ сословій, возрастовъ, помуженій, состояній, и покориться безпрекословно руководству одного Богомъ поставленнаго пастыря,—Настоятеля монастыря!

Нелегкіе труды Настоятеля о. Сергія по устроению новой обители поощрены высшею духовною властію. Определеніемъ Св. Синода, отъ 18 апрѣля 1903 г. за № 1723, Настоятель монастыря строитель о. Сергій, по представленію Епархіальнаго Преосвященнаго, удостоенъ награжденія саномъ Игумена ко дню рожденія Государя Императора (6 мая).

Посвященіе во игумена торжественно совершилъ въ монастырскомъ храмѣ Епископъ Евсеій въ день Св. Пятидесятницы сего года.

II. ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

1. Церковное богослужение.

Въ Обители ежедневно отправляются всѣ виды суточного богослуженія православной церкви.

Полунощница.

По заведенному порядку, въ три съ половиною часа утра монастырскій будильникъ, звоня въ колокольчикъ и произнося молитвенное воззваніе «Пѣнію— время, молитвѣ— часъ. Господи, Исусе Христе, Боже Нашъ! помилуй насъ», обходитъ всѣ зданія, возбуждая братію и богомольцевъ отъ сна. Возлѣ каждаго зданія будильникъ звонитъ въ колокольчикъ и говоритъ молитву до тѣхъ поръ, пока не услышитъ въ отвѣтъ слово «Аминь», удостовѣряющее, что его цѣль достигнута, и тогда онъ идетъ далѣе.

Вставъ отъ сна и умывшись, братія слѣшаютъ въ храмъ на молитву; въ три часа сорокъ пять минутъ начинается утренними молитвами и 17-ю каѳизмою, вычитываемою полностью, полунощница, въ концѣ которой произносятся прошенія: о благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ и всемъ Царствующемъ Домѣ, Св. Правительствующемъ Синодѣ и мѣстномъ архипастырѣ, о благопоусѣщеніи и укрѣпленіи христоролюбиваго воинства, о любящихъ и ненавидящихъ, о милующихъ и служащихъ, о избавленіи плѣнныхъ, объ отшедшихъ отцахъ и братіяхъ, о плавающихъ въ морѣ, о лежащихъ въ немощахъ, о изобиліи земныхъ плодовъ и о всякой душѣ христіанъ православныхъ; на каждое изъ этихъ прошеній клиръ отвѣчаетъ протяжно—умилительнымъ «Господи помилуй», а братія дѣлаютъ глубокой поясной поклонъ. Міряне при произношеніи этихъ прошеній умиляются еще и потому, что имъ приходится слышать ихъ только здѣсь въ монастырѣ,—въ приходскихъ же церквахъ означенныя прошенія говорятся лишь въ Св. Четырдесятницу за Великимъ повечеріемъ. Полунощница заканчивается пѣніемъ «Валаамскаго» напѣва «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ! Всякаго-бо отвѣта недоумѣюще»....

Замѣчательно то, что иноки здѣшной обители ежедневно прежде всѣхъ въ Россійск. Имперіи начинаютъ славить Бога и возносить моленія за Царя, отечество и весь православный міръ,—это видно изъ того, что день здѣсь на крайнемъ Востокѣ начинается раньше на 6 час. 45 м., чѣмъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ.

Утренняя будничная.

Въ началѣ утрени прежде всего медленно, протяжно, среди храма прочитываются, такъ называемые, царскіе псалмы (19-й и 20-й), въ которыхъ внятно для всѣхъ слышится богодухновенная молитва святаго пророка Давида: «Господи, спаси царя и услыши ны, въ онъже аще день призовемъ тя! Господи, силою твоею возвеселится царь и о спасеніи твоёмъ возрадуется зѣло! Яко царь уповаеть на Господа и милостію Вышняго не подвижится», за которыми олять слѣдуютъ молитвенныя прошенія за царя и царств. домъ, читаемыя, какъ и на полунощницѣ, іеромонахомъ.

Всякій вѣрующій человекъ знаетъ, что церковь, получившая всѣ свои установленія отъ святыхъ апостоловъ, прежде всего творить молитвы за царя и за вся, иже во власти суть, а потому и ему отраднo вмѣстѣ съ церковію начинать свое обращеніе къ Богу молитвою за того, отъ благополучія и благоденствія котораго зависитъ благоденствіе всего народа русскаго—этой великой государственной семьи, отецъ и глава которой—царь. Обитель, помня заповѣдь апостольскую «Бога бойтесь, Царя чтите», ничѣмъ другимъ и не можетъ почтить Державнаго Отца своего, какъ молитвою за него.—Шестопсалміе почти всегда читается самимъ Настоятелемъ или однимъ изъ іеромонаховъ. Начальныя слова шестопсалмія «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человекѣхъ благоволеніе», произносимыя съ особымъ благоговѣніемъ, внятно и благозвучно, невольно настраиваютъ молящихся къ внимательному слушанію дивныхъ словъ Св. Псалмопѣвца. Внимая словамъ Св. Царя Давида, думаешь про себя, что «беззаконіе мое азъ возвѣщу и попекуся о грѣсѣхъ моихъ». Эти чудныя слова особенно хорошо подходящи для тѣхъ, кои пришли въ Обитель для

исполненія христіанскаго долга исповѣди и Св. Причащенія. Удивительно то, что, не дорожа въ другое время жизнию, какъ безцѣннымъ даромъ Божьимъ, здѣсь въ монастырскомъ храмѣ, при слышаніи стиха изъ шестопсалмія «человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтетъ» — сознаешь свое ничтожество, безсиліе...

Каждое слово шестопсалмія глубоко западаетъ въ душу и невольно наводитъ на размышленіе о суетности мірской жизни.

Утренняя какъ и вообще всякое богослуженіе, отправляется чинно, не торопясь; все положенное по церковному уставу вычитывается сполна; стихиры, тропари, ирмосы и проч. поются трогательно — умиленнымъ напѣвомъ, называемымъ здѣсь „валаамскимъ“ (стариннымъ «столповымъ»); поютъ всегда на два клироса; чтеніе же шестопсалмія, каеизмъ, канона и проч. бываетъ по срединѣ храма. Послѣ первой каеизмы произносится поученіе, если есть богомольцы, кои, впрочемъ, почти всегда бывають въ Обители. При чтеніи каеизмъ братія, приложившись къ Св. Иконамъ и распятію, выходятъ изъ храма для отнесенія своихъ работъ; въ храмѣ остаются: чередной іеромонахъ, нѣсколько пѣвчихъ, пономари, престарѣлые монахи и богомольцы. Утренняя кончается въ 7 ч.

Литургія будничная.

По окончаніи утрени, если есть говѣющіе, вычитываются молитвы ко Св. Причащенію, за тѣмъ слѣдуетъ три удара въ колоколь къ проскомидіи, а потомъ благовѣсть къ литургіи, за которой присутствуютъ богомольцы и престарѣлые иноки. За литургіей не опустительно бываетъ эктенія о усопшихъ. По заамвонной молитвѣ служится заупокойная литія и раздается молящимся антидоръ. За литургіей, когда присутствуютъ міряне, непременно произносится поученіе. Послѣ литургіи служатся молебны или по личному заказу богомольцевъ, или же согласно письму, а иногда даже и телеграммѣ.

Вечерня.

Кругъ суточнаго богослуженія ежедневно начинается вечернею. Прежде, чѣмъ благовѣстити къ этому богослуженію, пономарь приходитъ къ настоятелю и беретъ у него благословеніе. Послѣ звона читается девятый часъ, а затѣмъ отправляется вечерня по уставу.

По отсутствіи вечерни бываетъ въ притворѣ литія за усопшихъ.

Повечеріе.

Въ семь часовъ вечера служится повечеріе и вычитывается полностью помянникъ, а затѣмъ молитвы на сонъ грядущимъ. На повечеріи всегда читаются каноны съ акаѳистами: во Вторникъ иконѣ Божіей Матери «Казанской», въ среду—Святителямъ и Чудотворцамъ Николаю и Иннокентію, попеременно, въ Четвергъ—Страстямъ Христовымъ предъ Крестомъ—Голговою, въ Пятницу—Божіей Матери предъ «Курскою» Иконою. Послѣ молитвъ протяжно съ глубокими поясными поклонами читается умиленная по своему содержанію эктенія, произносимая и въ концѣ полунощницы, какъ было сказано выше. Въ концѣ всего обязательно говорится поученіе къ народу или просто назиданіе братіи о жизни монашеской, за поученіемъ слѣдуетъ взаимное прощаніе настоятеля и братіи. Первый, наклонивъ голову, обращается къ братіи съ такими словами: «Благословите мя, отцы святія и братія, и простите ми грѣшному, елика согрѣшихъ въ сей день и во вся дни живота моего, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, осужденіемъ и всѣми моими чувствами». Братія въ чинномъ порядкѣ одинъ за другимъ по старшинству подходятъ къ настоятелю подъ благословеніе; затѣмъ, въ порядкѣ же приложившись къ распятію, Иконѣ Св. Троицы со Святыми и къ иконѣ Божіей Матери «Курской», тихо, безъ всякаго разговора, строго воспрещаемаго послѣ вечерняго правила, расходятся по келліямъ. Во время благословенія настоятелемъ братіи и богомольцевъ на клиросахъ медленно поются стихиры Честному Кресту «Иже крестомъ ограждаемы, врагу противляемся», тропари Св. Троицѣ и Святителямъ.

Пѣніе заканчивается молитвенными обращеніями: «Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ! Пресвятая Богородице, спаси насъ! Святителю Отче Иннокентіе, моли Бога о насъ! Святителю Отче Николае, моли Бога о насъ!».

Послѣ ухода братіи въ храмъ остаются очередные священнослужители для чтенія молитвъ готовящимся ко Св. причащенію. Тогда же совершается и исповѣдь.

Всенощное бдѣніе.

Подъ воскресные и праздничные дни въ 7 часовъ вечера бываетъ всенощное бдѣніе, которое отличается особенною торжественностію наканунѣ двенадцатыхъ праздниковъ и дней памяти великихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Мнѣ лично выпало на долю счастье два года бывать за всенощнымъ бдѣніемъ и литургіей 29-го іюня (день памяти Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла) и вотъ какъ правилось бдѣніе: въ 7 ч. монастырскій колоколь, хотя и небольшой, но довольно благозвучный, торжественно и пріятно загудѣлъ, разливая на окрестные долины, поля, лѣса и горы волны звуковъ, которымъ эхо глухо вторило по ту сторону Усури въ пустынныхъ горахъ; по всей окрестности поились непрерывные звуки. Начавшаяся черезъ полчаса всенощная шла торжественно и медленно съ точнымъ исполненіемъ церковнаго устава; пѣли на два клироса стройно и умирительно. «Блаженъ мужъ» исполнено было особымъ «валаамскимъ» напѣвомъ, какого мнѣ еще не приходилось слышать. Стихиры на «Господи возвахъ» пѣлись подъ канонарха. На литію и полиелей выходилъ самъ настоятель, всѣ іеромонахи и іеродиаконы. Вся церковь была освѣщена. При болѣе важныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ-то: богородичнаго, «Хвалите Имя Господне» и Великаго Славословія оба хора сходились на срединѣ храма. Все въ храмѣ, какъ и всегда, было благообразно и по чину. Все—и благолѣпная обстановка, и стройно-протяжное пѣніе, и истовое исполненіе богослуженія—какъ-то особенно располагаетъ умъ и сердце къ усердной вдохновленной молитвѣ. Отдавшись молитвѣ, отрѣшаешься отъ всего земного; на время забываешь всѣ житейскія невзгоды; мысли возносятся горѣ; умиленные вздохи вырываются изъ наболѣвшей души; благоговѣнное чув-

ство овладѣваетъ всѣмъ существомъ; такъ бы и молился, молился безпрерывно; бываютъ минуты умиленія, что хочется плакать; послѣ такой молитвы чувствуешь себя легко, весело, спокойно; съ души, какъ бремя скатится, по выраженію поэта, сомнѣнье далеко, и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко... Насладившись молитвою, чувствуешь себя нравственно—обновленнымъ, духовно—преобразившимся. Въ міру имѣются такіе же храмы, отправляются богослуженія, но тамъ не испытываешь того религіознаго восторга, какъ въ монастырскомъ храмѣ,—здѣсь какъ будто ощущается особая благодатная атмосфера, если можно такъ выразиться. Много торжественности и благолѣпія богослуженію придаетъ внѣшняя обстановка храма, благочиніе молящихся и столповое старинно-русское пѣніе. Въ приходскихъ же церквахъ нерѣдко приходится отправлять богослуженіе съ однимъ псаломщикомъ, заунывно и вяло иногда выводящимъ церковные напѣвы. Имѣть въ деревнѣ постоянный правильно-организованный хоръ не возможно. Всенощная подѣ великіе праздники продолжается не менѣе четырехъ часовъ.

Утреннее правило въ воскресные и праздничные дни.

Въ воскресные и праздничные дни, ради труда бдѣннаго наканунѣ, встаютъ въ 5 часовъ; пришедши въ церковь, слушаютъ утреннія молитвы, а затѣмъ молебенъ съ акафистомъ: въ воскресенье—Св. Троицѣ или Иисусу Сладчайшему, въ Богородичные праздники—Божіей Матери и въ дни памяти святыхъ—тому Св. Угоднику, память коего совершается. Послѣ молебна священнослужащіе и говѣющіе слушаютъ молитвы ко Св. Причащенію.

Литургія праздничная.

Въ воскресные и праздничные дни начало проскомидіи возвѣщается тремя ударами въ колоколъ въ 7¹/₂ ч. утра. Проскомидія въ эти дни продолжается болѣе часу, такъ какъ на ней прочитываются всѣ имена, внесенныя въ монастырскій синодикъ для вѣчнаго и годового (ежедневнаго и еженедѣльнаго) поминовенія. Около девяти часовъ бываетъ торжественный праздни-

ный благовѣсть къ божественной литургіи, которая обыкновенно начинается не ранѣе 9 ч. Литургія отправляется не менѣе торжественно, чѣмъ всенощная. Псаломъ «Благослови, душе моя, Господа» поется сполна на оба клироса. Херувимскую пѣснь, „Милость мира“, «Тебѣ поемъ», Достойно есть» и «Отче нашъ» оба хора, сошедшия вмѣстѣ, поютъ на срединѣ храма. Литургія поется просто, но весьма хорошо, что не можетъ, конечно, не трогать душу, восторгая религиозное чувство молящихся. Шумные концерты и пѣснопѣнія итальянской композиціи, исполняемые въ приходскихъ храмахъ, преимущественно городскихъ, при здѣшней обстановкѣ совсѣмъ были бы не у мѣста. Да и вообще-то въ православныхъ храмахъ такіа пѣснопѣнія не могутъ располагать присутствующихъ къ молитвенному настроенію. За праздничной литургіей обычно бываетъ много богомольцевъ изъ дальнихъ мѣстъ и изъ окрестныхъ деревень. За тѣснотою въ церкви многимъ къ великому ихъ огорченію, приходится стоять внѣ храма, лишаясь возможности слышать умиленное пѣніе и поученіе, всегда произносимое за литургіею въ назиданіе вѣрующимъ. Нѣкоторые за 5—6 верстъ, не говоря уже о дальнихъ, пѣшкомъ идутъ въ Обитель, чтобы въ храмѣ излить предъ Господомъ свое горе, печаль, облегчить Свою душу, и вдругъ, вслѣдствіе малопомѣстительности храма, алчущій и жаждущій духовнаго утѣшенія лишается сего послѣдняго.

Жаль, разумѣется, «малыхъ сихъ», но чтожь по дѣлаешь?!... Сознывая такое неудобство, Монастырь, по неимѣнію средствъ не можетъ пока устранить этотъ крупный недостатокъ. Богъ не безъ милости: пройдетъ еще немного времени и Господь вложитъ мысль какому-либо боголюбивому храмовладельцу, каковыми, благодареніе Всевышнему, еще не оскудѣла наша Святая Русь, построить новый храмъ въ здѣшнемъ Монастырѣ—этомъ «Новомъ Валаамѣ».

Послѣ литургіи въ великіе праздники совершается молебень съ крестнымъ ходомъ вокругъ храма. Начало молебна полагается въ церкви; противъ южныхъ дверей крестный ходъ останавливается и говорится глубая эктенія, затѣмъ Настоятель, возвышая крестъ, ограждаетъ имъ на всѣ четыре стороны, кропя при

этомъ св. водою; іеродіаконъ же, кадя Честному Кресту, всякій разъ предъ поднятіемъ Креста произноситъ: «Рцемъ вси—Господи помилуй!» И пѣвчіе поютъ по-скору Господи помилуй 3-жды. Противъ алтаря говорится малая эктенія, прокимень и читается Евангеліе, послѣ чего опять осѣненіе Св. Крестомъ и кропленіе св. водою; противъ сѣверныхъ дверей—остановка; произносится третья эктенія съ осѣненіемъ Крестомъ и окропленіемъ св. водою; конецъ молебна противъ западныхъ дверей; здѣсь также осѣненіе Крестомъ на четыре стороны и окропленіе св. водою; отпустъ—въ храмъ и молящіеся подходятъ ко Кресту. Оканчивается Лигургія въ 12 часовъ.

Великопостныя богослуженія.

Великопостныя богослуженія въ Обители совершаются съ нѣкоторыми особенностями, какъ и самое вступленіе въ Св. Четырдесятницу происходитъ съ особою торжественностію: въ недѣлю сырпустную, или, въ такъ называемое «Прощеное воскресенье», послѣ вечерней трапезы, въ церкви, при полномъ праздничномъ освѣщеніи съ благословенія настоятеля, братія поютъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! Пасха Священная намъ днесь показася!» и весь пасхальный канонъ до конца.

Пѣніе и обстановка живо наминаетъ Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія.

Напоминаніе это ободряетъ немощнаго по своей природѣ человѣка, боящагося строгаго великопостнаго устава. Нечего и говорить, что вѣрующій человѣкъ умиляется до слезъ. Свѣтлорадостное настроеніе продолжается недолго. Пѣніе прекращается, паникадила и свѣчи гасятся, остаются горящими 2—3 лампадки; лишь среди полумрака и гробовой тишины слышится покаянная молитва Св. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего!» сопровождаемая общими земными поклонами,—тогда прежнее высоко-радостное настроеніе смѣняется новымъ чувствомъ покаянія и сокрушенія о грѣхахъ. Не менѣе трогательна минута, когда Настоятель, обращаясь къ братіи, испрашиваетъ прощенія въ своихъ грѣхахъ и дѣлаетъ имъ

земной поклонъ, на что братія, произнося «Богъ проститъ тя, честный отче», отвѣчаетъ ему земнымъ поклономъ; затѣмъ, прикладываясь по старшинству къ Распятію, братія подходятъ къ настоятелю, кланяются ему до земли, просятъ у него прощенія и благословенія и, поцѣловавъ у него правую руку, лобызаясь съ нимъ по-братски въ плеча, говорятъ: «Христосъ посреда насъ. Прости мя, Отче Святой, и помолися о мнѣ грѣшномъ», на что Настоятель, отвѣчаетъ: «Богъ проститъ! меня грѣшнаго прости и о мнѣ помолися»; послѣ чего братія становятся по правую сторону Настоятеля рядомъ и также, лобызаясь, испрашиваютъ другъ у друга прощенія. Во время прощенія на клиросахъ поютъ различныя стихиры

Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста, послѣ утрени, исполнивъ краткое молитвословіе, настоятель первый начинаетъ читать псалтирь, въ промежуткахъ котораго на «славахъ» поминаются имена, занесенныя въ монастырскій синодикъ. Въ чтеніи псалтири на первой недѣлѣ принимаетъ участіе вся братія, по 2 часа каждый, какъ днемъ, такъ и ночью. Служба первой седмицы, какъ и послѣдней, чрезвычайно умиленная; на Великомъ повечеріи читается канонъ Св. Андрея Критскаго — «твореніе», по выраженію покойнаго С. А. Рачинскаго, «не поддающееся литературному анализу. Это рядъ воплей кающейся души, погруженной въ созерцаніе Писанія, сознающей страшную близость всѣхъ грѣховъ, о коихъ оно повѣствуетъ, духовную нашу причастность каждому изъ нихъ, удаленіе наше отъ дивныхъ примѣровъ вѣры и праведности, сохраненныхъ намъ въ Книгѣ книгъ. Высота и искренность тона не ослабѣваетъ въ теченіе всего этого длиннаго канона, чтеніе коего распространяется на четыре дня. Чтеніе это требуетъ великой художественной простоты, глубокой осмысленности»^{*)}). Въ обители канонъ такъ именно и читается. Въ среду и пятницу совершается литургія Преждеосвященныхъ Даровъ съ ея трогательными пѣснопѣніями. Заунывный звонъ, траурная обстановка храма, минорно-умиленное пѣніе, строгое соблюде-

^{*)} „Сельская школа“, стр. 222.

ніе поста настраиваетъ душу къ сокрушенію о грѣхахъ, — вотъ почему простой народъ въ теченіе Великаго поста, особенно на первой и страстной недѣляхъ, не смотря на дальнее разстояніе, цѣлыми сотнями отправляется на богомолье въ здѣшній монастырь, считая его училищемъ вѣры и благочестія, гдѣ, какъ въ духовной лечебницѣ, исцѣляется отъ грѣховныхъ язвъ.

Многіе изъ мірянъ предпочитаютъ говѣть здѣсь, нежели въ своихъ церквахъ, и дѣйствительно въ монастырѣ, судя по вышеизложенному, больше удобствъ для исполненія христіанскаго долга; къ тому же говѣющій здѣсь занятъ исключительно заботою о своей душѣ, о своемъ спасеніи, ничто мірское не смущаетъ его, не тревожитъ.

Монастырь о говѣющихъ имѣетъ особое попеченіе. Со дня вступленія въ Обитель на богомольцевъ стараются всячески вліять, чтобы расположить ихъ душу къ искреннему и нелицемѣрному покаянію и къ достойному принятію Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. За трапезою богомольцамъ читаются поученія и наставленія о значеніи таинства покаянія и причащенія, о томъ, какъ нужно вести себя предъ сими таинствами и послѣ нихъ.

Не будучи озабочены житейскими занятіями, говѣющіе исправно ходятъ въ храмъ ко всѣмъ богослуженіямъ, гдѣ имъ неотложно предлагаются поученія; для чтенія въ свободное отъ молитвы время богомольцамъ даются религіозно-нравственнаго содержанія книжки и листки, наводящіе на богомысліе и самоиспытаніе. По причащеніи, богомольцы въ благословеніе отъ обители, при отправленіи изъ нея получаютъ иконки, листки, книги, брошюрки съ наставленіемъ о повиновеніи властямъ, о любви къ отечеству, о почитаніи пастырей духовныхъ, родителей и вообще старшихъ себя, о семейномъ согласіи, о трезвости о исполненіи заповѣдей Божіихъ и проч.

Въ монастырѣ вообще бываютъ богомольцы самаго разнообразнаго состоянія, сословія, пола, возраста и положенія; но никогда такъ рѣзко не бросается это разнообразіе въ глаза, какъ въ Великій постъ. Кого только вы не встрѣтите тутъ; и крестьяне—старожилы, и пере-

селенцы—новоселы изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, отличающіеся между собою одеждою и нарѣчіемъ, и городскіе жители изъ Владивостока, Хабаровска и болѣе всего изъ Никольска, и казаки мѣстнаго войска, никогда не видѣвшіе монастырей, казаки Донскіе, Кубанскіе и Оренбургскіе, здѣсь же встрѣтите священника съ семействомъ, учителя, чиновника, телеграфиста, желѣзнодорожнаго служащаго, людей военнаго сословія, начиная отъ нижняго чина до полковаго командира включительно (офицеры бываютъ преимущественно семейные). Смотри на собравшихся подъ кровомъ Св. обители людей различнаго званія, отрадно сознавать, что это—братья по вѣрѣ, сыны Россіи, вѣрныя чада Церкви православной, не утратившіе и здѣсь на окраинѣ, вдали отъ родины, той духовной жажды, которая такъ неотъемлемо присуща сердцу истинно русскаго человѣка.

Поминовенія.

Въ монастырскомъ храмѣ ежедневно совершается поминовеніе усопшихъ благотворителей обители, имена которыхъ внесены въ монастырскіе синодики. Самымъ важнѣйшимъ считается поминовеніе на проскомидіи при совершеніи Божественной литургіи, затѣмъ на утреннихъ и вечернихъ литіяхъ и заупокойныхъ эктенияхъ. Поминовенія бываютъ ежедневныя и еженедѣльные, смотря по желанію лицъ, внесшихъ имена свои или сродниковъ своихъ; служатся заказные сорокоусты, панихиды по личной просьбѣ богомольцевъ или иныхъ лицъ, посылающихъ въ обитель письма и телеграммы. Нѣкоторые посѣщающіе монастырь, видя истовое, неопустительное поминовеніе, еще при жизни своей стараются внести имена свои въ монастырскіе синодики для вѣчнаго поминовенія; тогда имена поминаются о здравіи и спасеніи, а по полученіи извѣстія о кончинѣ, переносятся въ заупокойные синодики. Многія благочестивыя лица, не надѣясь на сродниковъ или не имѣя таковыхъ, тоже еще при жизни заказываютъ служить сорокоусты сразу же по кончинѣ ихъ. Понятно, что записываютъ имена свои при жизни не тѣ, которые боятся и мысли о своей смерти, хотя и неизбѣжной, но люди, открыто взирающіе на свою будущую

жизнь очами вѣры христіанской, увѣряющей насъ, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, но есть для умершихъ въ вѣрѣ надежда на молитвы и милостыни ближнихъ, оставшихся въ живыхъ, и особенно церковныя поминовения.

Многіе богомольцы стараются вписать имена своихъ сродниковъ на годовое поминовение, ежедневное или еженедѣльное, или же оставляютъ здѣсь свои поминальныя книжки, которыхъ собирается въ дни поста такъ много, что праздничная и воскресная проскомидія продолжается болѣе часу, причемъ, для прочтенія именъ, въ алтарь входятъ много братій. Иногда пріѣзжаютъ въ монастырь отслужить литургію и панихиду по умершимъ близкимъ и заказать трапезу для братіи и богомольцевъ, по обычаю поминать своихъ сродниковъ не только молитвою, но и милостынею. Въ такихъ случаяхъ готовится та-же самая скудная, постная пища, какъ и всегда, только изъ лучшихъ продуктовъ и къ чаю вмѣсто чернаго хлѣба подается булка; во время трапезы подается освященная кутья; послѣ трапезы и благодарственныхъ молитвъ поются всѣми за упокойныя пѣснопѣнія и провозглашается «вѣчная память».

Всѣ монастырскія поминовения для скорбящихъ родныхъ по своимъ умершимъ близкимъ служатъ великимъ утѣшеніемъ. Отраднo для нихъ слышать близкія сердцу и дорогія имена, поминаемыя священнослужителями на литіяхъ, панихидахъ, эктеніяхъ. И не только за родныхъ помолится здѣсь пришедшій богомолецъ, но съ чувствомъ глубочайшей благодарности положить земной поклонъ за упокой души незабвенныхъ своихъ благодѣтелей—Царя-Освободителя и Царя-Миротворца, когда услышитъ ихъ царственныя имена, ежедневно произносимыя вначалѣ всѣхъ поминовений; помолится здѣсь благочестивый христіанинъ и о всѣхъ православныхъ воинахъ, за вѣру и отечество на брани убиенныхъ.

На литургіяхъ также ежедневно поминаются имена усопшихъ лицъ, содѣйствовавшихъ возникновенію обители и благотворителей: Митрополита Иннокентія, Епископа Макарія, Инокіини Анастасіи (Великой кня-

гини), Болярина Сергія (Генераль-Губер. С. М. Духовскаго) и многихъ другихъ.

2. Объ уставѣ.

Внутренній строй монастырской жизни идетъ съ строжайшимъ соблюденіемъ общежительнаго устава въ духѣ самаго древняго подвижничества святыхъ отцевъ церкви; въ соблюденіи правилъ общежитія и заключается вся красота иноческой жизни. На знаменитый Валаамъ, по образцу котораго устроенъ здѣшній монастырь, неоднократно обращали вниманіе даже иностранцы. «Слава объ устройствѣ обители (Валаама) распространилась за предѣлы православной Россіи. Изъ Аѳонскихъ монастырей приходили посмотрѣть на Валаамскую обитель и, по ея правильной организаціи въ духѣ православнаго аскетизма, предпочитали ее даже монастырямъ Аѳонской горы»*)

По уставу здѣшняго монастыря настоятель и братія тщательно исполняютъ Христовы заповѣди, хранятъ церковныя преданія; неопустительно посѣщаютъ храмъ для участія въ богослуженіи и отправленіи вмѣстѣ правила молитвеннаго. Строго запрещается братіи принимать въ келліи кого-либо изъ мірскихъ людей, даже и родственниковъ; безъ нужды братія не ведутъ разговоровъ между собою, а съ мірянами—тѣмъ болѣе; въ обители все общее, никто ничего своего не имѣетъ; при вступленіи въ монастырь деньги и вещи, если таковыя имѣются, сдаются на храненіе настоятелю, а въ случаѣ ухода изъ обители возвращаются по принадлежности, но при постриженіи въ монашество все поступаетъ въ пользу монастыря; безъ благословенія настоятеля ничего не дѣлается, такъ: запрещается своевольно писать письма и принимать ихъ отъ кого бы то ни было, ходить въ лѣсъ, на гору, на рѣку и т. под.; денегъ на руки братія ни отъ кого не принимаетъ, а указываетъ на кружку «въ пользу обители»; если кто, напримѣръ, изъ богомольцевъ настойчиво вручаетъ деньги, то братъ беретъ ихъ и опускаетъ въ кружку; при встрѣчахъ съ настоятелемъ и іеромонахами братія

*) „Сказаніе о жизни и трудахъ высокопреосвящ. Гапріила“, стр. 88.

подходятъ подъ благословеніе; ири встрѣчахъ другъ съ другомъ привѣтствуютъ: младшіе старшихъ — словами «благословите», на что послѣдній говоритъ: «Богъ благословитъ», равные — «Спасайся, братъ!» При разставаніи одинъ говоритъ «прости», другой же отвѣчаетъ: «Богъ проститъ». При входахъ въ келлію настоятеля или кого-либо изъ братіи, предъ дверьми келліи творится молитва Иисусова: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» и не иначе входятъ туда, какъ услышавъ отвѣтное «аминь». Постороннему наблюдателю, не знакомому съ монастырскою жизнью, приходится видѣть нѣкоторыя особенности въ здѣшнемъ храмѣ противъ приходскихъ; въ обители насельники въ праздники и воскресные дни за богослуженіями не дѣлаютъ земныхъ поклоновъ, при входѣ въ церковь и выходѣ изъ нея братія долго молятся и творятъ молитвы; заинтересовавшись этимъ, я спросилъ у настоятеля объясненія и мнѣ былъ показанъ особый рукописный «чинъ», который здѣсь прилагается цѣликомъ на случай заимствованія благочестивыми мірянами.

Чинъ о поклонахъ.

Входя въ келлію читай:

«Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя!» (поклонъ).

«Создавый мя, Господи, помилуй мя!» (поклонъ).

«Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя!» (поклонъ).

Исходя изъ келліи.

«Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя!» (поклонъ).

«Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя!» (поклонъ).

«Все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ!» (поклонъ).

Чинъ, какъ должно ходить ко всякой церковной службѣ.

Въ церковь пришедъ, ставъ на обычномъ мѣстѣ, глаголи въ себѣ сице:

«Боже, очисти мя, грѣшнаго и помилуй мя!» (поклонъ). «Создавый мя, Господи, помилуй мя!» (поклонъ).

«Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя!» (поклонъ).

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресеніе Твое славимъ!» (поклонъ).

«Достойно есть»... (поклонъ). «Слава и нынѣ: Господи, помилуй!» (трижды). «Благослови». И отпустъ: «Молитвами Св. Отецъ нашихъ, Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ».

По семь, по обычаю, поклонясь на обѣ стороны и положивъ три поясныхъ поклона съ молитвою Иисусовою, стать съ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ.

По отпустѣ службы то же должно читать, что и пришедъ въ церковь, съ таковыми же поклонами и отпустомъ.

Зри и внимли о поклонахъ: «Уставъ церковный полагаетъ: въ предпразднества и попразднества, въ праздники двенадесятые, въ воскресные и субботніе дни, въ поіелей и славословія поклоны класть поясные, а въ простые дни — земные».

Праздники Господскіе, Богородичныя и въ честь Св. Угодниковъ, а равно воскресные дни и царскіе праздники благоговѣнно чтутся въ обители. Изъ Св. Угодниковъ Божіихъ иноки особенно чтутъ память Святителя и Чудотворца Иркутскаго Иннокентія, Небеснаго Покровителя всей Сибири, и стремятся распространить Славу Его Св. имени среди здѣшняго пришлаго изъ Россіи населенія, не знающаго Своего Новаго Заступника и Молитвенника. Въ послѣднее время насельники обители, умиляясь, благоговѣютъ предъ Новымъ Угодникомъ Божиимъ, Св. Преподобнымъ Серафимомъ Саровскимъ; между здѣшней обителью и Саровомъ есть неразрывная духовная связь, а именно: въ Валаамскомъ монастырѣ Общежительный уставъ былъ введенъ Саровскимъ старцемъ о. Назаріемъ по примѣру Саровской пустыни, а въ здѣшней обители уставъ полностью взять съ Валаама; если ужъ сердце всякаго истинно-православнаго челоѣка переполнено радостію, что Господь въ наши дни прославилъ чудесами дивнаго старца Серафима, то что сказать объ инокахъ «Новаго Валаама», духовно-родственныхъ Саровской пустыни?!

Уставомъ монастыря для всѣхъ насельниковъ опредѣляются общіе труды, общая молитва, общая трапеза, одинаковая для всѣхъ одежда и все прочее.

Посты въ обители соблюдаются во всей строгости, по уставу. Во всѣ четыре поста братія говѣютъ,—въ св. чотырдесятницу, Рождественскій постъ—по два раза. На первой и Страстной седмицахъ Великаго поста пища предлагается одинъ разъ въ день, при чемъ въ нѣкоторые только дни горячая, а въ остальные—квасъ съ чернымъ хлѣбомъ въ назначенномъ количествѣ,—чаю же совѣшь, кромѣ субботы, не полагается.

При соблюденіи поста братія обители руководится святоотеческими наставленіями, между прочимъ и наставленіями Св. Старца Серафима, который говоритъ: «Постъ состоитъ не въ томъ только, чтобы ѣсть рѣдко, но въ томъ, чтобы ѣсть мало; и не въ томъ, чтобы ѣсть однажды, но въ томъ, чтобы не ѣсть много. Не разуменъ тотъ постникъ, который дожидается опредѣленнаго часа, а въ часъ трапезы весь предастся ненасытному вкушенію и тѣломъ и умомъ...»

Въ разсужденіи пища должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снѣдями вкусными и не вкусными,—это дѣло, свойственное животнымъ, въ разумномъ человѣкѣ недостойно похвалы. Отказываемся же мы отъ приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющіе члены плоти и дать свободу дѣйствіямъ духа...

При всемъ томъ святые постники, къ удивленію другихъ, не знали расслабленія, но всегда были бодры, сильны и готовы къ дѣлу. Болѣзни между ними были рѣдки и жизнь ихъ текла чрезвычайно продолжительно*).

3. 0 трапезѣ.

Трапеза въ Обители предлагается братіи и богомольцамъ три раза въ день, а въ лѣтнее время прибавляется вечерній часъ въ 3 ч. пополудни. Утромъ дается завтракъ, въ 11 ч. дня обѣдъ, состоящій изъ 3-хъ самыхъ простѣйшихъ, но вкусныхъ блюдъ, и вечеромъ—ужинъ. Приготовленіе пищи начинается такъ: несущій обязанности повара братъ съ вечера еще при-

*) „Житіе Преподобнаго Отца Нашего Серафима, Саровскаго Чудотворца“, стр. 307.

ходить къ настоятелю и спрашиваетъ о томъ, что нужно приготовить для трапезы на слѣдующій день; получивъ назначеніе, поваръ вмѣстѣ съ настоятелемъ молится Богу и беретъ благословеніе отъ настоятеля; то же самое дѣлають: хлѣбопекарь и просфорникъ, когда имъ нужно приступать къ приготовленію хлѣба и просфоръ.

Утромъ поваръ идетъ въ храмъ, гдѣ чрезъ старшаго пономаря беретъ отъ никогда не угасающей за Св. Престоломъ лампы огонь въ свой фонарикъ и, помолвившись Господу, идетъ на кухню, чтобы зажечь приготовленные въ печи для варенія пицци дрова. Пицца готовится съ молитвою на устахъ и съ благоговѣніемъ. Когда наступаетъ время трапезы, то ударяется три раза въ колоколь; собравшись въ трапезной, братія въ безмолвіи ожидаютъ прихода настоятеля; пришедши въ трапезную, Настоятель ударяетъ въ колокольчикъ и братія поютъ: „Отче, нашъ, Слава и нынѣ, Господи, помилуй 3-жды, Благослови“! Настоятель, обращаясь на всѣ столы, благословляетъ трапезу, произнося слова: „Христе Воже! благослови ястіе и питіе рабомъ Твоимъ,—яко Святъ еси всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Вновь слышится ударъ въ колокольчикъ, чтець, вошедши на кафедру, говоритъ заглавіе чтенія, испрашивая благословенія; настоятель, благословивъ, опять ударяетъ въ колокольчикъ, и чтець начинаетъ чтеніе; послѣ чего начинается трапеза, продолжающаяся съ полчаса при глубокомъ молчаніи. По звонку настоятеля выходятъ изъ-за стола низшая братія и приносятъ съ кухни кушанія; при перемѣнѣ блюдъ иноки произносятъ молитву Иисусу.

За трапезою всегда подается хлѣбный квасъ своего приготовленія,—это единственный напитокъ, допускаемый въ здѣшней Обители,—вина никогда никакого не полагается. За трапезою братія вкушаютъ каждый столько, сколько требуетъ его организмъ, но конечно, соблюдая воздержаніе. „Сидя за трапезой“, учить Св. Преподобный старецъ Серафимъ Саровскій, „не смотри и не осуждай, кто сколько ѣсть, но внимай себѣ, питая душу молитвою. За обѣдомъ ѣшь довольно, за ужиномъ повоздержись“.

Пища въ монастырѣ состоитъ изъ очень простыхъ, но довольно питательныхъ и вкусныхъ блюдъ, мірскіе люди нерѣдко удивляются этому, но вѣдь многіе забываютъ, что въ монастырѣ кушанья готовятся съ благословенія Божія и съ молитвою, а въ міру зачастую безъ всякой молитвы, скорѣе со злобою въ сердцѣ, съ проклятіями на устахъ, съ ропотомъ и негодованіемъ.

Немудрено послѣ этого, что въ древности Великій Князь Изяславъ, будучи въ гостяхъ у Преподобнаго Θεодосія Печерскаго и кушая простую пищу, удивлялся, что она показалась ему гораздо вкуснѣе, чѣмъ у себя дома, не смотря на то, что при княжескомъ дворѣ было всего довольно, припасы лучшіе, приправы выписныя изъ чужихъ земель,—тогда Преподобный разъяснилъ Изяславу: „у насъ братія, когда хотятъ варить яства или печь хлѣбы, имѣють слѣдующій уставъ: сначала приходятъ къ настоятелю и берутъ у него благословеніе; потомъ дѣлають три поклона предъ Святымъ Алтаремъ и, возжегши свѣчу отъ елеса, горящаго предъ образомъ Господнимъ, ею разводятъ огонь въ поварнѣ или въ хлѣбнѣ; также, когда надобно лить воду въ котель, служитель говоритъ, старѣйшинѣ: «Благослови Отче!» а старѣйшина отвѣчаетъ: „Богъ да благословитъ васъ«!—Такимъ образомъ у насъ все дѣлается съ благословеніемъ, и вотъ причина, что пища наша имѣетъ вкусъ и сладость». *)

По окончаніи трапезы раздается звонокъ; чтецъ заканчиваетъ чтеніе словами: «Вѣру нашему слава всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ» и трапезующіе благодарять Господа,—благодареніе заканчивается пѣніемъ «валаамскаго» «Достойно есть»... и отпустомъ. Послѣ трапезы никакого отдыха для братіи не полагается.

По келліямъ никогда и ни подъ какимъ видомъ вкушать пищу или пить чай не дозволяется, кромѣ простой воды и только до вечерняго правила, послѣ котораго и питьё воды воспрещается.

Въ большіе праздники, по примѣру древнихъ монастырей, совершается чинъ о панакіи, т. е. о Всесвя-

*) „Учлище благочестія“, стр. 27.

той Богородицѣ. Послѣ литургіи, братія изъ церкви попарно идутъ въ трапезу. Пѣвчіе, идя впереди, поютъ несломъ: «Вознесу тя, Боже Мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во вѣкъ и вѣкъ вѣка». За пѣвчими очередной іеромонахъ съ іеродіакономъ несутъ на блюдѣ Богородичную просѣфору, изъ которой на проскомидіи выпута частица въ честь Божіей Матери. Затѣмъ слѣдуетъ съ жезломъ въ рукѣ настоятель, позади котораго парами шествуютъ прочіе священнослужители и братія. Въ такіе дни молитвы послѣ трапезы бывають продолжительнѣе, чѣмъ въ другое время. Во время этихъ моливъ чередной іеромонахъ подаетъ каждому частицу просѣфры «въ честь Пречистой».

4. Монастырское гостепрѣимство.

Вслѣдствіе усилившагося паломничества, обители почти ежедневно приходится встрѣчать въ своихъ стѣнахъ все новыхъ и новыхъ богомольцевъ,—суть много благочестивыхъ людей, которые, побывавши разъ въ Монастырѣ, считаютъ своею обязанностью бывать по нѣсколько разъ въ годъ.

Нѣкоторые прѣзжаютъ по обѣщанію. Всѣхъ прибывающихъ въ обитель радушно и гостепрѣимно встрѣчаютъ и отводятъ имъ помѣщенія; о посѣтителяхъ гостинникъ докладываетъ настоятелю; всѣ почти посѣтители прибываютъ въ Обитель помолиться Богу, отговѣть и поклониться ся Святынямъ, хотя случаются и такіе, которые, прѣзжаютъ въ монастырь для ознакомленія съ нимъ и его дѣятельностію, какъ напримѣръ экскурсанты. Кромѣ православныхъ посѣтителей въ Обитель прѣзжаютъ католики, протестанты. Были случаи присоединенія къ православію. Всѣ побывавшіе въ монастырѣ выносятъ хорошее впечатлѣніе. И никто не раскаявался въ томъ, что побывалъ въ Обители. Самыми любимыми для Обители гостями являются юные паломники—ученики церковно-приходскихъ и другихъ школъ—эта нива Божія, обѣщающая принести добрые плоды.

Живя въ обители, богомольцы должны подчиняться монастырскимъ правиламъ. Въ корридорахъ гостиницъ на стѣнахъ вывѣшено слѣдующее объявленіе: